

УДК 94(47). 084.9

**НАЗАД ДОРОГИ НЕТ! «НЕВОЗВРАЩЕНЧЕСТВО» КАК ОСОБАЯ
ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА ПОСЛЕДНИХ СОВЕТСКИХ
ДЕСЯТИЛЕТИЙ**

А.А. Сальникова, Е.А. Герасимова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань (Россия)*

Аннотация

В статье рассмотрен феномен «невозвращенчества» как особой формы политического протеста, обозначившейся в СССР в последние советские десятилетия. Особое внимание уделено такой малоисследованной форме «невозвращенчества», как «невозвращенчество» рядовых советских граждан. Статья основывается как на материалах советского законодательства, так и на ранее не введенных в научный оборот материалах советских спецслужб, хранящихся в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

Ключевые слова: «невозвращенчество», нелегальная эмиграция, политический протест, репрессивная политика, история, СССР, вторая половина 1950-х – 1980-е гг.

**«NEVOZVRASCHENCHESTVO» AS A SPECIFIC FORM OF POLITICAL
PROTEST DURING
THE LATE SOVIET DECADES**

A.A. Salnikova, E.A. Gerasimova

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan (Russia)*

Annotation

The article examines a phenomenon of the so-called «nevozvrashenchestvo» as a specific form of political protest taking place during the last Soviet decades. Special attention is given to the following purely studied form of «nevozvrashenchestvo» as «nevozvrashenchestvo» of the common Soviet citizens. The article is based on Soviet legislation acts and previously non-used Soviet secret service materials stored in the RGANI Russian State Archive of Contemporary History (RGANI).

Keywords: «nevozvrashchestvo», illegal emigration, political protest, repressive politics, history, USSR, second half of the 1950s – 1980s.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью дальнейшего изучения истории протестной активности в СССР как явления, характеризующего уровень зрелости любого гражданского общества, но, к сожалению, по сей день все еще остающейся недостаточно исследованной составляющей советского политического прошлого. В особенности это относится к такой малоисследованной форме протестного движения в СССР, как «невозвращенчество» рядовых советских граждан. Это утверждение не менее справедливо применительно и к степени изученности деятельности советских спецслужб по его предотвращению.

Явление, о котором пойдет речь, хронологически совпадает с так называемой «третьей волной» эмиграции из СССР [5]. Достаточно часто «третья волна» эмиграции в историографии датируется периодом «холодной войны», т.е. 1948–1986 гг., хотя вопрос о хронологических границах этой эмиграционной волны до конца так и не определен. И это вполне естественно, поскольку в рамках данного довольно продолжительного хронологического периода можно выделить более мелкие этапы, связанные с преобладанием тех или иных тенденций, факторов, причин, состава и численности покинувших СССР. Так, в послесталинский период распространение получила практика отказа от возвращения в СССР из разрешенных загранкомандировок и туристических поездок – так называемое «невозвращенчество». В сталинской России «невозвращенцев» было немного, поскольку само число командированных за рубеж являлось ограниченным. Среди известных «невозвращенцев» были Рудольф Нуриев, Михаил Барышников, Галина Вишневская, Мстислав Ростропович, Максим Шостакович, Андрей Тарковский и многие другие. Совершенно особым явлением представляется эмиграция из СССР периода 1970–1980-х гг., носившая не только национальный или религиозно-этнический, но в значительной мере сословный (интеллигентский) характер, вызванная разочарованием в обещаниях «хрущевской оттепели» и обозначенная в ряде исследований, как «диссидентская».

Распространен стереотип, что из СССР мечтали уехать исключительно активные противники коммунизма, евреи и мечтающие о мировой сцене деятели искусства [1; 8]. Однако, как показал проведенный нами анализ донесений КГБ в ЦК КПСС, отложившихся в фондах Российского государственного архива новейшей истории, с конца 1950-х гг. наблюдались неоднократные случаи нелегального бегства из СССР рядовых советских

граждан, далеких и от вершин мировой культуры, и от диссидентских убеждений.

В условиях биполярного противостояния внешние миграционные потоки между СССР и странами Запада были минимизированы. Выехать из СССР даже в загранкомандировку или туристическую поездку было трудно. Советским гражданам требовалось получить не только въездную визу страны посещения, но и так называемую «выездную» визу, которая выдавалась в специальном отделе виз и регистраций (ОВИР) Министерства внутренних дел. Официальное разрешение на выезд оставалось привилегией партийной номенклатуры, идеологически преданных деятелей науки и искусства и редких «политически зрелых и морально устойчивых» «простых» советских граждан [9, с. 22]. Свободно эмигрировать из СССР было практически невозможно. По прагматическим соображениям и под нажимом мирового сообщества власть позволяла выезжать из Советского Союза лишь евреям, заявившим о своем желании репатриироваться на историческую родину в Израиль, и представителям некоторых других этнических меньшинств: советским немцам, грекам, армянам. По подсчетам исследователей, в течение «третьей волны» эмиграции около 450900 человек легально покинули Советский Союз [10, с. 8]. Однако национальная принадлежность не являлась гарантом выдачи выездной визы. В СССР появилась группа так называемых «отказников» – лиц, которых власть лишила права покинуть страну.

Предотвращение таких побегов и суровое наказание «невозвращенцев» вплоть до очного и заочного обвинения в измене Родине со всеми вытекающими отсюда последствиями стали реальной практикой органов советской политической юстиции [3] как особой части юридической системы, созданной или используемой для подавления политических противников путем применения правовых и противоправных средств.

В условиях «холодной войны» отказ от советского гражданства и просьба о политическом убежище на Западе дискредитировали страну, в которой, казалось бы, «так вольно дышит человек», и власть всеми доступными средствами старалась предотвратить возможность побега. Ни одна поездка за рубеж не проходила без контроля Управления Контрразведки КГБ. Оперативные работники включались в состав делегаций, выезжающих за границу, и должны были предотвращать случаи утечки секретной информации, выявлять и проверять подозрительные связи советских граждан с иностранцами и пресекать попытки невозвращения на Родину [6]. Так, в информативных письмах в ЦК КПСС за февраль 1963 г. председатель КГБ В.Е. Семичастный настоятельно рекомендовал не направлять на гастроли в

капиталистические страны коллектив симфонического оркестра Ленинградской филармонии. Причиной тому стало донесение одного из осведомителей о том, что главный дирижер оркестра Е.А. Мравинский в частном разговоре озвучил намерение не возвращаться в СССР [7, д. 412].

Добровольный отказ от советского гражданства, согласно статье 64 УК РСФСР, расценивался как измена Родине – особо опасное государственное преступление и карался лишением свободы с конфискацией имущества на срок от 10 до 15 лет, в особых случаях вплоть до высшей меры наказания – смертной казни. В Советском Союзе невозвращенцев ждали заочные приговоры в измене Родине. Всемирно известный танцор Рудольф Нуриев в январе 1962 г. был заочно приговорен по ст. 64 к семи годам исправительно-трудовых работ с отбыванием срока в колонии строгого режима. Дорога назад для сотен невозвращенцев фактически была закрыта. Тех, кто все же рискнул вернуться в СССР, буквально с трапа направляли в специальные исправительные учреждения для особо опасных государственных преступников. С 1965 г. заочные суды сменились указами об аресте.

Массовая эмиграция могла нанести катастрофический урон репутации СССР, и каждая попытка нелегально покинуть страну сурово наказывалась. Тем не менее, в особых случаях власть сама принудительно лишала людей гражданства. По закону «О гражданстве Союза Советских Социалистических республик» от 19 августа 1938 г. и далее по одноименному закону от 1 декабря 1978 г. лишение гражданства было прерогативой суда. Суд имел место в случае, если, как было указано в статье 816 закона 1978 г., лицо «совершило действия, порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР» [2, ст. 816]. Чаще всего такой процедуре подвергали не угодных власти писателей и диссидентов. Во время перестройки некоторых из них реабилитировали. М.С. Горбачев, как известно, в августе 1990 г. именным указом восстановил в праве на гражданство 22 человека, среди которых были правозащитники, деятели науки и искусства.

Что касается «рядовых» беглецов, то большинство из них пыталось нелегально пересечь советскую границу с ФРГ, Турцией или Ираном. Проход на Запад через границу с социалистическими странами был невозможен: нелегальных мигрантов при задержании без суда и следствия немедленно передавали братскому СССР. Так, в мае 1963 г. при попытке несанкционированного перехода из Румынской Народной Республики в Югославию были задержаны и переданы советским властям граждане СССР А.В. Декатов и В.Н. Гаврилов. Во время следствия было установлено, что

Декатов и Гаврилов уже пытались пересечь советскую границу с Турцией в 1960 г., но после профилактической беседы были отпущены. Свои действия в следственных документах, отложившихся в РГАНИ, Декатов мотивировал так: «В СССР нет свободы, а я предпочитаю умереть с голоду на свободе, чем жить в неволе. За границей я не искал легкой жизни, а хотел увидеть, как может жить в свободном мире человек, не имеющий ничего, кроме рук, ног и головы» [7, д. 412, л. 37]. В СССР Гаврилова и Декатова арестовали и обвинили в измене Родине.

Значительная часть документов свидетельствуют о побегах военнослужащих – солдат–срочников из пограничных воинских частей. Например, в октябре 1959 г. рядовой отдельного комендантского батальона, дислоцированного в ГДР, Е.П. Данченко вместе с сослуживцами отмечал свой день рождения в немецком кафе. При возвращении в часть он отстал от товарищей, похитил стоявший у госпиталя велосипед, стал кататься на нем, а затем исчез. Три дня спустя поступило сообщение от англичан, что Данченко попросил политическое убежище в ФРГ [7, д. 312].

Исследованные нами архивные документы свидетельствуют о том, что в подобных случаях советские спецслужбы всеми возможными способами старались вернуть беглеца на Родину. Диалог со страной, куда был совершен побег, обычно выстраивался по определенному принципу: пограничникам обоих государств чаще всего удавалось договориться и обменять беглых солдат. Так, дезертировавшего в Иран в июне 1956 г. сержанта А.И. Сухарева предложили обменять на иранского сержанта Мелехи Гусейна [7, д. 176]. Подобным образом действовали и в отношении других военнослужащих, совершивших побег из места прохождения службы и перешедших границу, например, Л.В. Бунина, В.Ф. Сабурова [7, д. 176, 277]. После принудительного возвращения на Родину таких беглецов ожидало обвинение не только по ст. 247 УК РСФСР – дезертирство, но и по пресловутой ст. 64 – измена Родине. Анатолий Марченко, знаменитый диссидент, автор нашумевшей книги о послесталинских политических лагерях «Мои показания», также попал в Дубравлаг после неудавшейся попытки перейти границу с Ираном. Ему предъявили обвинения в измене Родине и заключили в специальную колонию для особо опасных государственных преступников [4].

Отношения со странами Запада и США оставались напряженными, и спецслужбы капиталистических стран старались использовать любую возможность для дискредитации СССР. Архивные документы свидетельствуют, что иногда советским резидентам приходилось проводить

оперативные мероприятия по выведению из ФРГ советских дезертиров. В процессе дознания зачастую выявлялось, что беглецы выдавали иностранной разведке известные им сведения военного характера [7, д. 312].

В желании покинуть СССР граждане порой изобретали весьма изощренные способы. В 2012 г. на экраны страны вышел российский документальный фильм «Один в океане» (режиссер Алексей Литвинцев). Это реальная история о побеге советского, а впоследствии канадского и израильского ученого-океанографа Вячеслава Курилова. В декабре 1974 г. он, будучи туристом круизного лайнера «Советский Союз», следовавшего из Владивостока к экватору (без захода в порты), спрыгнул с борта судна недалеко от Филиппин и более двух суток находился в открытом океане. Из Филиппин его депортировали в Канаду и там по его запросу предоставили канадское гражданство.

Курилов был не единственным из тех, кто рискнул пересечь морскую границу. Ночью 23 марта 1958 г. бывший надзиратель Батумской тюрьмы В.П. Лакпанов в районе села Сарпи (стык сухопутной и морской границы с Турцией) вплавь переправился на турецкий берег. Как утверждают архивные документы, командование пограничной заставы считало невозможным нарушение морской границы вплавь в условиях зимнего периода. Основные силы были сосредоточены на перекрытии сухопутной границы, а Лакпанов тем временем в прямом смысле уплыл из страны [7, д. 277].

В мае 1963 г. по инициативе КГБ было возбуждено уголовное дело по ст.64 УК РСФСР в отношении студента V курса ВГИКа В.Л. Смирнова. В процессе следствия было установлено, что Смирнов и студент того же института Балиев были приняты на борт судна «Симферополь» по распоряжению начальника рыболовецкой экспедиции для съемок документального фильма о жизни рыбаков. В ночь с 13 на 14 марта 1963 г. во время следования из Аляскинского залива проливом Унимак на расстоянии 5 миль от берега на судне обнаружили исчезновение Смирнова, а за кормой правого борта навязанный узлами канат, спущенный до воды. Из каюты, где проживал Смирнов, исчезла часть его вещей, а также папка с документами и деньгами [7, д. 412].

Безусловно, не следует думать, что все эти побегі были осознанной формой прямого политического протеста, в особенности, когда речь шла о побегах представителей советских силовых структур. Немаловажную роль в данном случае играли романтически-иллюзорные представления молодых людей о «капиталистическом рае», навеянные, в том числе, и средствами западной пропаганды. Тем не менее, почти полное отсутствие спонтанности,

тщательное планирование и прямо высказанная, политически обоснованная аргументация таких побегов свидетельствует в пользу их очевидной политической осознанности и протестной направленности.

Таким образом, впервые вовлеченные в научный оборот и проанализированные нами документы, прежде всего, архивные, позволили проследить специфику нелегальной, не санкционированной государством и нарушающей действующее законодательство эмиграции из СССР как специфической разновидности инакомыслия и «инакодействия». Несмотря на негласный запрет на выезд и всевозможные санкции (вплоть до высшей меры наказания) в отношении лиц, осуществивших попытку без разрешения покинуть СССР, подобные случаи все же имели место, причем неоднократно. Наиболее распространенными способами нелегальной эмиграции были отказ от возвращения на Родину и просьба о предоставлении политического убежища в капиталистических странах, с одной стороны, и случаи незаконного пересечения границы, с другой. На конкретных примерах подобных побегов очевидно, что, несмотря на единичность таких случаев, они явно свидетельствовали не только об отсутствии столь вожаемого властью единомыслия в СССР, но и о просчетах советских спецслужб, призванных воздвигнуть «железный занавес» вокруг «самой свободной» страны мира. Проведенное исследование показало перспективность использования открытых ныне документов спецслужб для дальнейшего фондируемого изучения истории борьбы с инакомыслием в СССР и «ненормативного» поведения советских граждан, в том числе и «рядовых» членов советского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Весье С.* За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России / пер. с франц. Е. Баевской, Н. Кисловой, Н. Мавлевич. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 576 с.
2. Закон СССР от 1 декабря 1978 года «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1978. – № 49.
3. *Кудрявцев В., Трусев А.* Политическая юстиция в СССР. – М.: Наука, 2000. – 365 с.
4. *Марченко А.Т.* Мои показания. – М.: ОГИ, 2005. – 304 с.
5. *Полян П.М.* Эмиграция: кто и когда покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер

- и П. Поляна. – М.: Общественное гуманитарное издательство, 2005. – С. 493-519.
6. Приказ № 006 Председателя Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР от 12 января 1974 года «О введении в действие Инструкции о задачах и обязанностях оперативных работников контрразведывательных подразделений органов КГБ, направляемых в кратковременные командировки за границу в составе делегаций, туристских групп, творческих и спортивных коллективов, групп военных и иных специалистов». URL: <http://www.kgbdocuments.eu/index.php?326146102> (проверено 02.05.2016).
7. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), фонд 5, опись 30, дела 176, 277, 312, 412.
8. *Скутнев А.Р.* Протестное движение в СССР в 1945-1985 гг.: эмиграция и диссидентское движение. – Киров: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; Кировский филиал, 2011. – 105 с.
9. *Шевырин С.А.* «Проникновение наше по планете особенно заметно вдалеке»: из истории зарубежного туризма в СССР // Ретроспектива. – 2010. – № 1. – С. 21-27.
10. *Heitman S.* The Third Soviet Emigration, 1948–91 // Refugee: Canada's Periodical on Refugees. – 1993. – Vol. 13. – № 2. – P. 5–13.